

Будетъ ли существовать Россія?

Вопросъ этотъ, несомнѣнно, покажется нелѣпымъ для большинства русскихъ людей. Мы привыкли, вотъ уже 11 лѣтъ, спрашивать себя объ одномъ: скоро ли падутъ большевики? Что за паденіемъ большевиковъ начинается національное возрожденіе Россіи, въ этомъ не было ни искры сомнѣнія. Въ революціи мы привыкли видѣть кризисъ власти, но не кризисъ національнаго сознанія.

Многіе не видятъ опасности, не вѣрятъ въ нее. Я могу указать симптомы. Самый тревожный — мистически значительный — забвеніе имени Россіи. Всѣ знаютъ, что прикрывающія ее четыре буквы СССР не содержатъ и намекъ на ее имя, что эта государственная формація мыслима въ любой части свѣта: въ Восточной Азіи, въ Южной Америкѣ. Въ Зарубежѣ, которое призвано хранить память о Россіи, возникаютъ теченія, группы, которыя стираютъ ее имя: не Россія, а «Союзъ народовъ Восточной Европы»; не Россія, а «Евразія». О чемъ говорятъ эти факты? О томъ, что Россія становится географическимъ и этнографическимъ пространствомъ, безсодержательнымъ, какъ бы пустымъ, которое можетъ быть заполнено любой государственной формой. Одни интернационалисты, которымъ ничего не говорятъ русскія національныя традиціи; другіе вчерашніе патриоты, которые отрекаются отъ самаго существеннаго завѣта, этой традиціи — отъ противостоянія Исламу, отъ противленія Чингизьхану, — чтобы создать совершенно новую, вымышленную страну своихъ грезъ. Въ обоихъ случаяхъ Россія мыслится національной пустыней, многообѣщающей областью для основанія государственныхъ утопій.

Можно отмахнуться отъ этихъ симпто-

мовъ, усматривая въ нихъ лишь новыя болѣзни интеллигентской мысли, — къ тому же не проникшія въ Россію. Но никто не станетъ отрицать угрожающаго значенія сепаратизмовъ, раздирающихъ тѣло Россіи. За одиннадцать лѣтъ революціи зародились, развились, окрѣпли десятки національныхъ сознаній въ ея ослабѣвшемъ тѣлѣ. Иные изъ нихъ приобрѣли уже грозную силу. Каждый маленькій народецъ, вчера полудикій, выдѣляетъ кадры полуинтеллигенціи, которая уже гонитъ отъ себя своихъ русскихъ учителей. Подъ покровомъ интернациональнаго коммунизма, въ рядахъ самой коммунистической партіи складываются кадры националистовъ, стремящихся разнести въ куски историческое тѣло Россіи. Казанскимъ татарамъ, конечно, уйти некуда. Они могутъ лишь мечтать о Казани, какъ столицѣ Евразіи. Но Украина, Грузія (въ лицѣ ихъ интеллигенціи) рвутся къ независимости. Азербейджанъ и Казакстанъ тяготеютъ къ азіатскимъ центрамъ Ислама.

Съ дальняго востока наступаетъ Японія, вскорѣ начнетъ наступать Китай. И тутъ мы съ ужасомъ узнаемъ, что сибиряки, чистокровные великороссы-сибиряки, тоже имѣютъ зубъ противъ Россіи, тоже мечтаютъ о Сибирской Республикѣ — легкой добычѣ Японіи. Революція укрѣпила національное самосознаніе всѣхъ народовъ, объявила контрреволюционными лишь національныя чувства господствовавшей вчера народности. Многіе съ удивленіемъ узнаютъ сейчасъ, что великороссовъ въ СССР числится всего 54 %. И это слабое большинство сейчасъ же становится меньшинствомъ, когда мы мысленно прилагаемъ къ Россіи оторвавшіяся отъ нея западныя области. Мы

какъ-то проморгали тотъ фактъ, что величайшая имперія Европы и Азіи строилась національнымъ меньшинствомъ, которое свою культуру и свою государственную волю налагало на цѣлый этнографическій материкъ. Мы говоримъ со справедливою гордостью, что эта гегемонія Россіи почти для всѣхъ (только не западныхъ) ея народовъ была счастливою судьбой, что она дала имъ возможность приобщиться къ всечеловѣческой культурѣ, какъ-то являлась культура русская. Но подроставшія дѣти, усыновленные нами, не хотятъ знать вскормившей ихъ школы, и тянутся кто куда — къ западу и къ востоку, къ Польшѣ, Турціи или къ интернаціональному геометрическому мѣсту — т. е. къ духовному небытію.

Поразительно: среди столькихъ шумныхъ, крикливыхъ голосовъ одинъ великороссъ не подаетъ признаковъ жизни. Онъ жалуется на все: на голодъ, безправіе, тьму, только одного не вѣдаетъ, къ одному глухъ: къ опасности, угрожающей его національному бытію.

Вдумываясь въ причину этого страннаго омертвѣнія, мы начинаемъ отдавать себѣ отчетъ въ томъ, насколько глубоко корень болѣзни. Въ ней одинаково повинны три главнѣйшія силы, составлявшія русское общество въ эпоху имперіи: такъ называемый народъ, такъ называемая интеллигенція и власть. Для интеллигенціи русской, т. е. для господствовавшего западническаго крыла, національная идея была отвратительна своей исторической связью съ самодержавной властью. Все національное отзывалось реакціей, вызывало ассоціацію насилія или официальной лжи. Для цѣлыхъ поколѣній «патріотъ» было бранное слово. Вопросы общественной справедливости заглушали смыслъ національной жизни. Национальная мысль стала монополіей

правыхъ партій, поддерживаемыхъ правительствомъ. Но что сдѣлали съ ней наслѣдники славянофиловъ? Русская національная идея, вдохновлявшая некогда Аксаковыхъ, Кирѣевскихъ, Достоевскаго, въ послѣднія десятилѣтія необычайно огрубѣла. Эпигоны славянофильства совершенно забыли о положительномъ творческомъ ея содержаніи. Они были загнипнотизированы голой силой, за которой упустили нравственную идею. Национализмъ русскій выражался, главнымъ образомъ, въ безцѣльной травлѣ малыхъ народностей, въ ущемленіи ихъ законныхъ духовныхъ потребностей, создавая Россіи все новыхъ и новыхъ враговъ. И, наконецъ, народъ — народъ, который столько вѣковъ съ героическимъ терпѣніемъ держалъ на своей спинѣ тяжесть имперіи, вдругъ отказался защищать ее. Если нужно назвать одинъ фактъ, — одинъ, но основной, изъ многихъ слагаемыхъ русской революціи, — то вотъ онъ: на третій годъ міровой войны, русскій народъ потерялъ силы и терпѣніе и отказался защищать Россію. Не только потерялъ пониманіе цѣли войны (едва ли онъ понималъ ее и раньше), но потерялъ сознаніе нужности Россіи. Ему уже ничего не жаль: ни Бѣлоруссіи, ни Украины, ни Кавказа. Пусть берутъ, дѣлятъ, кто хочетъ. «Мы рязанскіе». Таковъ итогъ вѣкового вывѣтриванія національнаго сознанія. Несомнѣнно, что въ Московской Руси народъ національнымъ сознаніемъ обладалъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ хотя бы его историческія пѣсни. Онъ ясно ощущаетъ и тѣло русской земли и ея враговъ. Ея историческія судьбы, сливавшіяся для него съ религіознымъ призваніемъ, были ясны и понятны. Въ Петровской имперіи народъ уже не понимаетъ ничего. Самые географическіе предѣлы ея стали недоступны его воображенію. А международная политика? Ея сложность, чуждость ея за-

дачь прекрасно выразились въ одной солдатской пѣснѣ XVIII вѣка:

Пишетъ, пишетъ король Прусскій
Государынѣ французской
Мекленбургское письмо...

Крѣпостное рабство, воздвигшее стѣну между народомъ и государствомъ, замѣнившее для народа національный долгъ частнымъ хозяйственнымъ игомъ, завершило разложеніе политическаго сознанія. Уже крестьянскіе бунты въ отечественную войну 1812 года были грознымъ предвѣстникомъ. Религіозная идея православнаго царя могла подвигнуть народъ на величайшія жертвы, на чудеса пассивнаго героизма. Но государственнй смыслъ этихъ жертвъ былъ ему недоступенъ. Паденіе царской идеи повлекло за собой паденіе идеи русской. Русскій народъ распался, расплылся на зернышки деревенскихъ мірковъ, изъ которыхъ чужая сила, властная и жестокая, могла строить любое государство, въ своемъ стилѣ и вкусѣ.

Итакъ, каждая изъ трехъ русскихъ общественныхъ силъ несетъ вину — или долю вины — за національное крушеніе.

Къ этимъ разлагающимъ силамъ присоединилось медленное дѣйствіе одного историческаго явленія, протекавшаго помимо сознанія и воли людей, и почти ускользнувшаго отъ нашего вниманія. Я имѣю въ виду отливъ силъ, матеріальныхъ и духовныхъ, отъ великорусскаго центра на окраины Имперіи. За XIX вѣкъ росли и богатѣли, наполнялись пришлымъ населеніемъ Новороссія, Кавказъ, Сибирь. И вмѣстѣ съ тѣмъ крестьянство центральныхъ губерній разорялось, вырождалось духовно и заставляло экономистовъ говорить объ «оскудѣннн центра». Великороссія хирѣла, отдавая свою кровь окраинамъ, которыя воображаютъ теперь, что она ихъ эксплуатировала. Самое тре-

возное заключалось въ томъ, что параллельно съ хозяйственнымъ процессомъ шель отливъ и духовныхъ силъ отъ старыхъ центровъ русской жизни. Легче всего слѣдить за этимъ явленіемъ по литературѣ. Если составить литературную карту Россіи, отмѣчая на ней родины писателей или мѣста дѣйствія ихъ произведеній (романовъ), то мы поразимся, какъ слабо будетъ представленъ на этой картѣ русскій сѣверъ, весь замосковский край — тотъ край, что создалъ великорусское государство, что хранить въ себѣ живую память «Святой Руси».

Русская классическая литература XIX в. — литература черноземнаго края, лишь съ 16-17 вѣковъ отвоеваннаго у степныхъ кочевниковъ. Тамбовскія, Пензенскія, Орловскія поля для насъ стали самыми русскими въ Россіи. Но какъ бѣдны эти мѣста историческими воспоминаніями! Это деревянная, соломенная Русь, въ ней ежегодные пожары сметають скудную память о прошломъ. Здѣсь всего скорѣе исчезаютъ старые обычаи, пѣсни, костюмы. Здѣсь нѣтъ этнографическаго сопротивленія разлагающимъ модамъ городской цивилизаціи. Съ начала XX вѣка литература русская бросаетъ и черноземный край, оскудѣвшій вмѣстѣ съ упадкомъ дворянскаго землевладѣнія. Выдвигается Новороссійская окраина, Одесса, Крымъ, Кавказъ, нижнее Поволжье. Одесса, полуеврейскій городъ, гдѣ не умѣють правильно говорить по-русски, создаетъ цѣлую литературную школу.

До сихъ поръ мы говорили объ опасностяхъ. Что можно противопоставить имъ, кромѣ нашей вѣры въ Россію? Есть объективные факты, точки опоры для нашей національной работы — правда, не болѣе, чѣмъ точки опоры, ибо безъ работы, скажу больше — безъ подвига — Россіи намъ не спасти.

Вотъ эти всѣмъ извѣстные факты. Россія не Австрія и не старая Турція, гдѣ

малая численно народность командовала надъ чужероднымъ большинствомъ. И если Россія, съ культурнымъ ростомъ малыхъ народностей, не можетъ быть національнымъ монолитомъ, подобнымъ Франціи или Германіи, то у великорусской народности есть гораздо болѣе мощный этнической базисъ, чѣмъ у австрійскихъ нѣмцевъ; во-вторыхъ, эта народность не только не уступаетъ культурно другимъ, подвластнымъ (случай Турціи), но является носителемъ единственной великой культуры на территоріи государства. Остальныя культуры, переживающія сейчасъ эру шовинистическаго угара — говоря совершенно объективно — являются явленіями провинціального порядка, въ большинствѣ случаевъ и вызванными къ жизни оплодотворяющимъ воздействиемъ культуры русской. Въ-третьихъ, національная политика старой Россіи тяжкая для западныхъ, культурныхъ (нынѣ оторвавшихся) ея окраинъ, — для Польши, для Финляндіи, — была, въ общемъ, справедлива, благодѣтельна на Востокѣ. Востокъ легко примирился съ властью Бѣлаго царя, который не ломалъ насильственно его старины, не оскорблялъ его вѣры и давалъ ему мѣсто въ просторномъ русскомъ домѣ.

Изъ оставшихся въ Россіи народовъ прямая ненависть къ великороссамъ встрѣчается только у нашихъ кровныхъ братьевъ — малороссовъ или украинцевъ. (И это самый болѣзненный вопросъ новой Россіи). Въ-четвертыхъ, большинство народовъ, населяющихъ Россію, какъ островки въ русскомъ морѣ, не могутъ существовать отдѣльно отъ нея; другіе, отдѣлившись, неминуемо погибнуть, поглощенные сосѣдями. Тамъ, гдѣ, какъ на Кавказѣ, живутъ десятки племенъ, раздраемыхъ взаимной враждой, только справедливая рука суперъ-арбитра можетъ предотвратить кровавый взрывъ, въ которомъ неминуемо погибнуть всѣ ростки новой

національной жизни. Что касается Украины, то для нея роковымъ является сосѣдство Польши, съ которой ее связываютъ вѣковыя историческія цѣпи. Украинцѣ объективно придется выбрать между Польшей и Россіей, и отчасти отъ насъ зависитъ, чтобы выборъ былъ сдѣланъ не противъ старой общей родины. И, наконецъ, въ-пятыхъ, за насъ дѣйствуютъ еще старыя экономическія связи, создающія изъ бывшей Имперіи, изъ нынѣшней СССР, единый хозяйственный организмъ. Разрывъ его, конечно, возможенъ (примѣръ: та же Австрія), но мучителенъ для всѣхъ участниковъ хозяйственнаго общенія. Силы экономической инерціи дѣйствуютъ въ пользу Россіи.

Сумѣемъ ли мы воспользоваться этими благопріятными шансами, это зависитъ уже отъ насъ, т. е., прежде всего, отъ новыхъ поколѣній, которыя вступаютъ въ жизнь тамъ въ Совѣтской Россіи и, въ меньшей степени, здѣсь, въ изгнаніи.

Я не буду останавливаться здѣсь на политическихъ условіяхъ, совершенно безспорныхъ, русскаго возрожденія. Такимъ неперемѣннымъ условіемъ является созданіе національной власти въ Россіи. За мѣчу лишь въ скобкахъ, что моментъ паденія коммунистической диктатуры, освобождая національныя силы Россіи, въ то же время является и моментомъ величайшей опасности. Оно, несомнѣнно, развяжетъ подавленные нынѣ сепаратистскія тенденціи нѣкоторыхъ народовъ Россіи, которые попытаются воспользоваться революціей для отторженія отъ Россіи, опираясь на поддержку ея внѣшнихъ враговъ. Благополучный исходъ кризиса зависитъ отъ силы новой власти, ея политической зрѣлости и свободы отъ иностраннаго давленія.

Здѣсь я останавливаюсь лишь на духовной сторонѣ нашей работы, на той, которая выпадаетъ по преимуществу на долю интеллигенціи. Говоря кратко: эта зада-

ча въ томъ, чтобы будить въ себѣ растить и осмыслять, «возгрѣвать» національное сознание.

Наша эпоха уже не знаетъ безсознательно - органической стихіи народа. Эти источники культуры почти изсякли, эта «земля» перепахана и выпажана. И русскій народъ вступилъ въ полосу рационализма, вѣрять въ книжку, въ печатное слово, формируетъ (или уродуетъ) свой обликъ съ дѣтскихъ лѣтъ въ школь, въ обстановкѣ искусственной культуры. Оттого такъ безмѣрно вырастаетъ вліяніе интеллигенціи (даже низшей по качеству, даже журналистики); оттого то удаются и воплощаются въ историческую жизнь новые, «умышленные», созданные интеллигенціей народы. Интеллигенція творитъ эти народы, такъ сказать «по памяти»: собирая оживляя давно умершія историческія воспоминанія, воскрешая этнографическій бытъ. Если школа и газета, съ одной стороны, оказываются проводниками нивелирующей, разлагающей, космополитической культуры, то онѣ же могутъ служить и уже служатъ орудіемъ культуры творческой, національной. Мы должны лишь выйти изъ своей безопасности и взять примѣръ съ кипучей и страстной работы малыхъ народовъ, работы ихъ интеллигенціи, изъ ничего, или почти изъ ничего, кующей національныя традиціи. Наша традиція богата и славна, но она запылилась, потускнѣла въ сознаніи послѣднихъ поколѣній. Для однихъ затмилась прелестями запада, для другихъ — официальнымъ и ложнымъ образомъ Россіи, для котораго въ искусствѣ — и не только въ искусствѣ — типиченъ псевдо-русскій стиль Александра III. Мы должны изучать Россію, любовно вглядываться въ ея черты, вырывать ея въ землѣ закопанные клады.

Мы должны знать ея исторію, любить ея героевъ, цѣнить и самые древніе памятники ея литературы (первыми у насъ

никто не интересовался), особенно — ея искусствомъ. Это великое искусство было открыто не задолго до войны.

Огромное большинство русской интеллигенціи не имѣетъ до сихъ поръ понятія о его существованіи. Но въ немъ дана объективная, говорящая и внѣшнему міру, мѣра русскаго гения.

Мы должны чтить и умѣть различать въ иконописномъ житіи живые лики русскихъ святыхъ, которые несутъ намъ свои завѣты, свое національное пониманіе вѣчнаго христіанства. Понять эти завѣты не всегда легко, и мало кто задумывается надъ этимъ. Мы должны чтить и героевъ-строителей нашей земли, ея князей, царей и гражданъ, изучая лѣтописи ихъ борьбы, ихъ трудовъ, учась на самыхъ ихъ ошибкахъ и паденіяхъ, не въ рабскомъ подражаніи, но въ свободномъ творчествѣ вдохновляясь подвигомъ предковъ. Мы должны знать живую Россію, ея природу, жизнь ея народовъ, ихъ трудъ, ихъ искусство, ихъ вѣрованія и бытъ. И прежде всего мы должны знать Великороссію.

Наше національное сознание должно быть сложнымъ, въ соотвѣтствіи со сложной проблемой новой Россіи, (примитивъ губителенъ!). Это сознание должно быть одновременно великорусскимъ, русскимъ и російскимъ.

Я говорю здѣсь, обращаясь, преимущественно къ великороссамъ. Для малороссовъ или украинцевъ, не потерявшихъ сознанія своей русскости, эта формула получить слѣдующій видъ: малорусское, русское, російское.

Послѣ всего, сказааннаго выше, ясна повелительная необходимость оживленія, воскрешенія Великоруссіи. Всякій взглядъ въ историческое прошлое Россіи, всякое паломничество по ея слѣдамъ приводитъ насъ въ Великоруссію, на ея сѣверъ, гдѣ и понынѣ бѣлѣютъ стѣны великихъ монастырей, хранящихъ дивной красоты росписи, богословское «умозрѣніе въ крас-

кахъ», гдѣ въ лѣсной глуши сохраняются и старинная утварь и старинныя повѣрья и даже былинная поэзія; старинные города (Угличь, Вологда), древніе монастыри (Кирилловъ, Ферапонтовъ) должны стать національными музеями, центрами научно-художественныхъ экскурсій для всей Россіи. Работа изученія святой древности, ведущаяся и въ большевицкой Россіи, должна продолжаться съ неослабѣвающей ревностью, вовлекая, захватывая своимъ энтузіазмомъ всѣ народы Россіи. Пусть не для насъ однихъ, русскій сѣверъ станетъ страной святыхъ чудесъ, священной землей, подобно древней Элады или средневѣковой Италіи, зовущей пилигримовъ со всѣхъ концовъ земли. Для насъ, русскихъ и христіанъ, эта земля чудесъ вдвойнѣ священна: почти каждая волость ея хранитъ память о подвижникѣ, спасавшемся въ лѣсномъ безмолвіи, о воинѣ Сергіевской рати, молитвами державшей и спасающей страдальческую Русь.

Но русскій Сѣверъ не только музей, не только священное кладбище. По счастью, жизнь не покинула его. Его населеніе, — не многочисленное, — крѣпко, трудолюбиво и зажиточно. Передъ нимъ большія экономическія возможности. Бѣлое мое и его промыслы общаются возрожденіе цѣлому краю при научномъ использовании его богатствъ.

Московскій промышленный районъ (здѣсь: Ярославль, Кострома) устояли въ испытаніи революціи. На этой землѣ «святая Русь», святая старина бокъ-о-бокъ со-сѣдитъ съ современными мануфактурами, рабочіе поселки — съ обителями учениковъ преп. Сергія, своимъ сосѣдствомъ вызывая часто ощущеніе болѣзненного противорѣчія, но вмѣстѣ съ тѣмъ конкретно ставя передъ нами насущную задачу нашего будущаго: одухотвореніе православіемъ технической природы современности.

Русскій Сѣверъ, святая Русь въ полнотѣ своей жизни открываютъ свои сокровища, конечно, лишь православному взору: только для него, подлинно живеть и древняя икона, и народная пѣсня, и даже вещественный осколокъ уходящаго быта. Но, конечно, работа найдется и для невѣрующаго, но любящаго изслѣдователя. Здѣсь понадобятся цѣлыя плеяды этнографовъ, искусствовѣдовъ, бытописателей — собирателей матеріаловъ. Самая работа надъ памятниками религіозной культуры не пройдетъ даромъ для религіознаго роста личности. Но лишь живой вѣрѣ суждено построить изъ камней культуры храмъ живого духа.

Отъ великоросскаго — къ русскому. Это, прежде всего, проблема Украины. Проблема слишкомъ сложная, чтобы здѣсь можно было коснуться ея болѣе, чѣмъ намеками. Но отъ правильнаго рѣшенія ея зависитъ самое бытіе Россіи. Задача эта для насъ формулируется такъ: не только удержать Украину въ тѣлѣ Россіи, но вмѣстить и украинскую культуру въ культуру русскую. Мы присутствуемъ при бурномъ и чрезвычайно опасномъ для насъ процессѣ: зарожденіи новаго украинскаго національнаго сознанія, въ сущности новой націи. Она еще не родилась окончательно, и ея судьбы еще не предопредѣлены. Убить ее невозможно, но можно работать надъ тѣмъ, чтобы ея самосознаніе утверждало себя, какъ особую форму русскаго самосознанія. Южно-русское (малорусское) племя было первымъ создателемъ русскаго государства, заложило основы нашей національной культуры и себя самого всегда именовало Русскимъ (до конца 19 вѣка). Его судьба во многомъ зависитъ отъ того, будемъ ли мы (т. е. великороссы) признавать его близость или отталкиваться отъ него, какъ отъ чужого. Въ послѣднемъ случаѣ, мы неизбежно его потеряемъ. Мы должны признать и непрестанно ощу-

щать свои не только кievскія летописи и мозаики кievскихъ церквей, но украинское барокко, столь привившееся въ Москвѣ, и кievскую Академію, воспитавшую русскую церковь, и Шевченко за то, что у него много общаго съ Гоголемъ, и украинскую пѣсню, младшую сестру пѣсни великорусской. Эта задача — приютить малоросскія традиціи въ общерусскую культуру — прежде всего выпадаетъ на долю южно-русскихъ уроженцевъ, сохранившихъ вѣрность Россіи и любовь къ Украинѣ. Отдавая свои творческія силы Великороссіи, мы должны удѣлить и Мало (древней Матери нашей) Россіи частицу сердца и пониманія ея особаго культурно - историческаго пути. Въ борьбѣ съ политическимъ самостійничествомъ, въ оборонѣ русской идеи и русскаго дѣла на Украинѣ нельзя смѣшивать русское дѣло съ великорусскимъ и глушить ростки тоже русской (т. е. малорусской) культуры. Та же самая русская идея на сѣверѣ требуетъ отъ насъ нѣкотораго суженія, краевѣдческаго, областническаго углубленія, на югѣ — расширенія, выхода за границу привычныхъ намъ великорусскихъ формъ.

И здѣсь, въ охранѣ единства Великой и Малой Россіи, самой прочной связью между ними была и остается вѣра. Пусть разъединяетъ языкъ, разъединяетъ память и имя Москвы — соединять Кіевскія святыни и монастыри святой Руси. До тѣхъ поръ, пока не сдѣланъ непоправимый шагъ, и народъ малорусскій не свергнутъ въ унию или другую форму католицизирующаго христіанства, мы не утратимъ нашего братства. Разриваемые націоналистическими (и въ то же время вульгарно - западническими) потоками идеи, мы должны соединяться въ религиозномъ возрожденіи. И сейчасъ подлинно живыя религиозныя силы Украины отъ Русской церкви себя не отдѣляютъ. Отъ русскаго — къ россійскому. Россія

не Русь, но союзъ народовъ, объединившихся вокругъ Руси. И народы эти уже не безгласны, но стремятся заглушить другъ друга гуломъ нестройныхъ голосовъ. Для многихъ изъ насъ это все еще непривычно, мы съ этимъ не можемъ примириться. Если не примиримся — т. е. съ многоголосностью, а не съ нестройностью, то и останемся въ одной Великороссіи, т. е. Россіи существовать не будетъ. Мы должны показать міру (послѣ крушенія столькихъ имперій), что задача имперіи, т. е. сверхнаціональнаго государства — разрѣшима. Болѣе того — когда міръ, уставъ отъ кроваваго хаоса межко - племенной черезполосицы, встаетъ объ единствѣ, какъ предпосылкѣ великой культуры, Россія должна дать образецъ, форму мирнаго сотрудничества народовъ, не подъ гнетомъ, а подъ водительствомъ великой націи. Задача политиковъ — найти гибкія, но твердыя формы этой связи, обеспечивающей каждой народности свободу развитія въ мѣру силъ и зрѣлости. Задача культурныхъ работниковъ, каждаго русскаго, въ томъ чтобы расширить свое русское сознаніе (безъ ущерба для его «русскости») въ сознаніе россійское. Это значитъ, воскресить въ немъ, въ какой-то мѣрѣ, духовный обликъ всѣхъ народовъ Россіи. То въ нихъ цѣнно, что вѣчно, что можетъ найти мѣсто въ тѣлѣ Вселенской церкви. Всякое дѣло, творимое малымъ народомъ, какъ бы скромно оно ни было, всякое малое слово должны вложиться въ русскую славу, въ дѣло Россіи. Въ нашъ вѣкъ національныя самолюбія значатъ порою больше національныхъ интересовъ: Пусть каждый маленькій народъ, т. е. его интеллигенція, не только не чувствуетъ униженія отъ соприкосновенія съ національнымъ сознаніемъ русскихъ (великороса), но и находитъ у него помощь и содѣйствіе своему національно культурному дѣлу. Было бы вреднѣйшей ошиб-

кой презрительно отмахнуться отъ этихъ шовинистическихъ интеллигенцій и черезъ головы ихъ разговаривать съ народомъ. Многіе думаютъ у насъ сыграть на экономическихъ интересахъ массъ противъ «искусственныхъ» національныхъ претензій интеллигенцій. Рано или поздно народъ весь будетъ интеллигенціей, и презрѣніе къ его духовнымъ потребностямъ отомститъ за себя. Конечно, духовныя потребности придется отличить отъ политическихъ притязаній: въ титулѣ московскихъ Царей и Императоровъ всероссійскихъ развѣтывался длинный свитокъ народовъ, подвластныхъ ихъ державѣ. Многоплеменность, многозвучность Россіи не умаляла, но повышала ея славу. Національное сознаніе новыхъ народовъ Европы въ этомъ отношеніи не раздѣляетъ гордости монарховъ, но Россія не можетъ равняться съ Франціей или Германіей; у нея особое призваніе. Россія — не нація, но цѣлый міръ. Не разрѣшивъ своего призванія, сверхнаціональнаго, материковаго, она погибнетъ — какъ Россія.

Объединеніе народовъ Россіи не можетъ твориться силой только религіозной идеи. Здѣсь вѣрованія не соединяютъ, а разъединяютъ насъ. Но духовнымъ притяженіемъ для народовъ была и останется русская культура. Черезъ нее они приобщаются къ міровой цивилизаціи. Такъ это было въ Петербургскій періодъ Имперіи, такъ это должно остаться. Если народы Россіи будутъ учиться не въ Москвѣ, не въ Петербургѣ, а въ Парижѣ и въ Берлинѣ, тогда они не останутся съ нами. На русскую интеллигенцію ложится тяжкая отвѣтственность: не сдать своихъ культурныхъ высотъ, идти неустанно, безъ отдыха, все къ новымъ и новымъ достижениямъ. Уже не только для себя, для удовлетворенія культурной жажды или профессиональныхъ интересовъ, но и для національнаго дѣла Россіи. Здѣсь не

важна сама по себѣ культурная отрасль, профессія — Россіи нужны ученые и техники, учителя и воины. Для всѣхъ одинъ законъ: квалификація, ея непрерывный ростъ въ трудѣ и подвижничествѣ. Если великороссы составляютъ 54 % Россіи, то русская интеллигенція должна выполнять не 54 %, а гораздо болѣе общероссійской культурной работы, чтобы сохранить за собой безспорное водительство.

Время для насъ грозное, тяжелое. Безчисленные народы Россіи рвутся къ свѣту, къ культурѣ. Среди всѣхъ только великорусская интеллигенція, придавленная, разрѣженная искусственно вытѣсняется съ пути національнаго творчества... Молодое поколѣніе варваризуется и въ Россіи и въ зарубежьи. Для него подчасъ, кажется, не подь силу поднять культурную ношу отцовъ. Но надо не только поднять ее, но и нести дальше и выше, чѣмъ умѣли отцы. Ибо голосъ времени звучитъ неумолимо: «Всякое промедленіе — смерти подобно», какъ говаривалъ Петръ Великій. Наши творческія силы еще не изсякли. Мы вѣримъ въ наше призваніе, не мириться съ мыслью о гибели. Намъ нужна лишь школа аскезы — культурной, творческой аскезы, безъ которой не создаются ни духовныя, ни матерьяльныя цѣнности культуры.

Послѣднія слова къ христіанамъ, къ православнымъ. Нельзя, разумѣется, подчинить путь вѣры путямъ національной жизни. Нѣтъ ничего гнуснѣе утилитарно-политическаго отношенія къ христіанству. Но въ православіи дано намъ религіозное освященіе націи. Церковь благословляетъ наше національное дѣланіе, при условіи просвѣтленности его Свѣтомъ Христовымъ.

Но, мы должны преодолѣть въ себѣ двѣ слабости, которыя до сихъ поръ обезпложиваютъ творческія силы христіанской интеллигенціи. Во-первыхъ, мы должны отрѣшиться отъ привычной сро-

щенности православія съ политическими, культурными, бытовыми формами стараго времени. Не считать идеаломъ православія реставрацію старины, и найти въ немъ источникъ свободы для творческаго отбора въ старыхъ сокровищахъ, для творческаго созиданія новой жизни. Вторая — въ извѣстной степени противоположная слабость — это индивидуализмъ личнаго религіознаго пути. Для отрѣшеннаго, погруженнаго въ собственный миръ строя души, не возникаетъ и проблемъ національной культуры, да и культуры вообще. Какъ первая школа духовной жизни, эта замкнутость души можетъ быть законной, необходимой. Какъ традиція, какъ стиль цѣлаго поколѣнія — это уже нѣкое уродство, становящееся національной пассивностью. Въ обстановкѣ русской трагедіи, въ нашъ грозный историческій часъ, это направленіе (какъ направленіе) свидѣтельствуетъ просто о недоразвитіи христіанской совѣсти.

Если мы въ эмиграціи — и поскольку наши братья въ Россіи — преодолѣемъ въ себѣ эти слабости, эти болѣзни роста,

то главное дѣло русскаго національнаго возрожденія — уже сдѣлано. Ибо жизненность и крѣпость русскаго религіознаго возрожденія русской церкви, не подлежитъ сомнѣнію. Въ ней, въ русской церкви дано живое средоточіе нашей національной работы, источникъ вдохновляющихъ ея силъ. Но нужно помнить, что для этой работы необходима сложная, опосредственная трансмиссія этихъ духовныхъ силъ, что въ дѣлѣ національнаго возрожденія участвуютъ: церковь, культура, государство. И здѣсь я останавливался преимущественно на второмъ членѣ, наиболѣе угрожаемомъ и наиболѣе сложномъ, связующемъ дѣйствіе силъ духовныхъ съ механизмомъ соціальныхъ потребностей.

На вопросъ, поставленный въ заглавіи настоящей статьи: «Будетъ ли существовать Россія»? я не могу отвѣтить простымъ успокоительнымъ «будетъ!» Я отвѣчаю: «Это зависитъ отъ насъ. Буди! Буди!».

Г. Федотовъ.

Парижъ.

Церковь и реакція.

Въ кругахъ русскаго общества, враждебныхъ или просто чуждыхъ Церкви, существуетъ несомнѣнная тревога въ связи съ тѣмъ новымъ отношеніемъ интеллигенціи къ Церкви, которое наблюдается въ послѣднее время. Если бы дѣло шло только объ усиленіи или возрожденіи внутренней религіозной настроенности, это могли бы въ насъ понять, это намъ, если угодно, **простили бы** и даже были бы готовы дать возможно больше свободы, чтобы не задѣть религіозныхъ переживаній и не стѣснять ихъ выраже-

нія. Но тревога возникаетъ потому, что кромѣ этого, чисто внутренняго расщѣпа религіозной жизни приходится констатировать глубокой **идейный переломъ**, въ которомъ Церкви отводится столь значительное мѣсто, что раздаются рѣчи о возвращеніи къ церковной культурѣ, объ очерковленіи всей жизни, о возвратѣ къ «новому средневѣковью». Этотъ идейный переломъ не просто отодвигаетъ или по новому освѣщаетъ основы современнаго міросозерцанія, но имѣетъ тенденцію, имѣетъ силу совер-